

Глаза старушки покраснели, и она без умолку говорила:

— Хорошо, что ты ушел на пенсию. Хотя дома не так хорошо, как там, по крайней мере, еда не будет проблемой. Кроме того, это не так опасно. Дава и его братья еще слишком малы.

Это действительно было божье благословение. Если бы он встретил несчастье, это было бы действительно невообразимо.

Жена четвертого определенно была ненадежной. Если ее младший сын столкнется с несчастьем вне дома, то она обязательно соберет вещи и снова выйдет замуж. Что тогда будет с этими тремя внуками?

— Точно! Знает ли об этом мать Дава? Она всегда хотела быть официальной женой. Если ты сейчас уйдешь на пенсию, она не уйдет от тебя? — когда она вспомнила об этом, ее лицо быстро изменилось, и она поспешила спросить.

Мать Чжоу очень ясно представляла себе амбиции своей четвертой невестки, поэтому после того, как она подавила свое первоначальное волнение, она начала беспокоиться о второй половинке своего младшего сына.

— Я ей сказал. Хотя она была немного разочарована, она понимала, уже ничего не изменить, и не возражала, — сказал Чжоу Цинбай.

— Не возражала? — мать Чжоу замерла: — Как это возможно?

У жены четвертого взгляд всегда был устремлен в небо. Она всегда хотела быть официальной женой и считала себя выше других. Она смотрела свысока на всех женщин в деревне и так долго не разговаривала ни с одной из них.

Она выказывала презрение и никогда не связывалась с сельскими женщинами.

Если ее мечта стать официальной женой рухнет, насколько это будет ужасно? Небо будет пронзено ею, верно?

— Сын, твоя жена, должно быть, продумывает свой следующий шаг. Ты должен быть с ней осторожен. Если она хочет развестись с тобой, ты не должен соглашаться. Ты должен стоять твердо, иначе у Дава и его братьев не будет матери. В это время ты не сможешь поднять голову! — продолжала матушка Чжоу.

На лице Чжоу Цинбая появилось беспомощное выражение. Он хотел сказать матери, что все не так уж серьезно. Его жена все обдумала. Однако матушка Чжоу в это не поверила.

Даже если Линь Циньхэ вела себя хорошо после переселения, впечатление, оставленное первоначальным владельцем, было глубоко укоренившимся — она не та, кто улаживает дела мирным путем.

Это было очевидно с того момента, как она осмелилась использовать свою беременность, чтобы насильно отделиться от семьи вскоре после вступления в брак.

Но Чжоу Цинбай действительно не думал, что его жена будет доставлять неприятности. Он был очень расстроен перед возвращением. Он боялся, что она не даст ему и шанса на надежду, и тогда в доме не будет покоя. Но он наблюдал за ее реакцией после того, как она узнала, она действительно была явно подавлена, как будто духовная колонна, которая всегда поддерживала ее, рухнула.

Но это состояние сохранялось только до тех пор, пока он не достал три тысячи юаней и пачку талонов. Тогда все ее недовольство исчезло.

Он видел эти эмоции. Поэтому мог сказать, что она явно не готовилась к следующему шагу.

«Скорее всего это изменение было вызвано страхом перед вором», — подумав об этом, Чжоу Цинбай нахмурил брови.

Увидев выражение его лица, матушка Чжоу подумала, что он понял ее слова. Опасаясь, что он усугубит семейный конфликт, она быстро вмешалась:

— Характер твоей жены похож на фейерверк. Если тебе есть о чем поговорить, говори медленно. В этом нет ничего особенного. Ты должен утешить ее, понимаешь? Не молчи и не позволяй ей догадываться. Максимальное время, которое она проводила рядом с тобой, было не больше месяца, она не сможет тебя разгадать.

Чжоу Цинбай встал и сказал:

— Не волнуйся, мама. Все в порядке.

Была одна фраза, которую его мать сказала правильно. Они были женаты столько лет, и Дава было пять лет, даже шесть после Нового года. Но, по правде говоря, время их общения не достигало и месяца.

Значит, он все еще не знает ее. Он не может рассматривать ее, используя те крохи что знает о ней? Например, на этот раз, когда он вернулся, разве она не позаботилась обо всех трех сыновьях?

Чжоу Цинбай вышел попрощаться с отцом и тремя старшими братьями и вернулся.

Когда старший брат вернулся в свою комнату, он поговорил об этом со старшей невесткой. Старшая невестка была ошеломлена:

— Больше не вернётся? Останется в деревне?

— Да, это считается уходом на пенсию, — кивнул брат Чжоу.

— А жена четвертого согласится? — выпалила старшая невестка.

Брат Чжоу сказал:

— Нет никаких проблем с тем, чтобы он остался. С чем тут не согласиться? Кроме того, опасно работать вне дома, подвергаясь воздействию ветров и дождей. У жизни в деревне нет никакой опасности. Не нужно бояться и голода. Какая причина не соглашаться?

— Ты не знаешь, о чем думает жена четвертого? — возразила старшая невестка.

— Что? — ответил брат Чжоу.

— Не скажу. Ты все равно не поймешь, даже если я это сделаю, — старшая невестка махнула рукой.

Не только старшая невестка понимала мысли Линь Циньхэ. И вторая невестка, и третья невестка тоже знали.

Услышав об этом от своих мужей, они были потрясены. Их первая реакция была такой же, как у старшей невестки — вопросом, согласна ли жена четвертого? Она что, окончательно сошла с ума?

Второй брат и третий брат не поняли их замешательства. Они сказали, что не знают. Мать позвала его в комнату, чтобы хорошенько поговорить. Может быть, она не поднимет шума?

«Не поднимет шума?» — вторая невестка не поверила.

Она просто села со старшей невесткой и третьей невесткой вязать свитера и болтать.

Как и ожидалось, они также купили шерстяную пряжу для вязания свитеров и штанов. В противном случае, как они могли бы вынести такую холодную до смерти погоду?

— Старшая невестка, третья невестка, ты ведь знаешь о том, что четвертый шурин ушел на пенсию, верно? — спросила вязавшая вторая невестка.

— Да, — ответила старшая невестка.

— Как это можно скрыть? — третья невестка тоже высказалась.

Ведь четвертый шурин в будущем останется в деревне. Скрыть это было невозможно.

— Даже не знаю, какой скандал сейчас устраивает четвертая невестка. Ты же знаешь, какие у нее мысли. Ее глаза словно выросли на макушке. Всегда думала о том, чтобы взлететь на ветку и однажды превратиться в феникса. Теперь она упала и превратилась в травяную курицу, — болтала вторая невестка.

Естественно, в ее голосе слышалось некоторое злорадство.

Старшая невестка только что сшила для сына облегающую одежду из ткани, которую ей подарила жена четвертого. Она мягко упрекнула ее:

— Не говори так. Мы все — одна семья. Мы ничего не выиграем от отставки четвертого шурина. Сначала я думала, что если он снова получит повышение, то в будущем он сможет позаботиться о племянниках старой семьи Чжоу.

Вторая невестка услышала эти слова и невольно вздохнула:

— Верно.

Конечно, она думала о том же, хотя ее сыну в этом году было всего три года. Если его четвертый дядя добьется успеха, о ее сыне будут заботиться как о племяннике, верно?

Именно по этой причине вторая невестка, которая раньше любила придирается перед первоначальной владельцей, с годами сильно смягчила свое отношение.

Что же касается третьей невестки, то она все еще гадала, сможет ли Линь Циньхэ достать несколько свиных ног для ее послеродового восстановления. Остатки ткани от пошива одежды для братьев в прошлый раз, из которых сшили пальто ее дочери, были теплыми. Давайте не будем забывать о коричневом сахаре, оставшемся в банке, он тоже был отправлен оттуда.

Так что по этому поводу третья невестка только обдумывала это в уме и никогда не высказалась бы вслух.

Только вторая невестка не могла сдержаться. После того, как разговор с двумя невестками прервался, она вышла.

Вот так весть о том, что Чжоу Цинбай вышел на пенсию и начал работать в поле, распространилась по деревне. Деревня была маленькой, и вскоре руководитель общины приказал внуку позвать Чжоу Цинбая.

<http://tl.rulate.ru/book/36775/1371439>